

ЛОРА БЕЛОИВАН

КАЖДЫЙ ОХОТНИК ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ

Что запомнилось про этот год:

1. Квадрат света на полу, точно по центру квадрата спит кот, над котом, ломая геометрию и физику света, тянется из окна палка золотой пыли, прямая, толстая, безопасная, глупая — хотела погладить кота и идти дальше, но ничего у нее не вышло, запуталась в коте, завязла в его мехах, стекла по котовой спине, по бокам, разлилась квадратом по полу, перестала быть; это октябрь.

2. Вырезанная из небесной картонки лошадь: вышел однажды за полночь (надо было вынести мусор) — пересек двор, открыл калитку, ступил в казенную уличную тьму (контейнер сразу за забором) и столкнулся лицом к лицу с лошадью, лошадь возвышалась над ним трагическим силуэтом, заслонившим звезды, лошадь, — сказал, — ты чья, хочешь хлеба? — лошадь кивнула, он положил пакет на крышку мусорки, метнулся в дом, вынес буханку — лошадь вежливо отъела

половину, а от второй, поблагодарив, отказалась и пошла прочь, и он увидел, что лошадь в попоне, и с облегчением понял, что она не сирота, а просто полуночница и интроверт; это был ноябрь.

3. Сорока, унижавшая крысу: шел из магазина, задрал голову на звук самолета, тут же поскользнулся — снегу намело, прикрыло вчерашнюю злую гололедицу, передвигаться нужно было ювелирно, какие там самолеты — упал навзничь, но в мягкое, вдобавок получил утешительный приз, так как прямо под самолетом, на десять километров ниже, пролетала сорока, а в клюве у нее был зажат крысиный хвост, а на противоположном конце хвоста смиренно болталась его обладательница, живая и здоровенная как кабан — сорока сделала два круга над сугробом возле высокого красного забора с портретом собаки, прицелилась и разжала клюв, и крыса спикировала в снег, воткнулась в него ножичком, а сорока села на забор и захохотала, и он хохотал вместе с сорокой, глядя на то, как крыса выбирается из сугроба, как садится на него толстой задницей, как отряхивает свое матерое коричневое пальто от снега, как злится на сороку и на человека, валявшегося рядом, а потом удаляется куда-то в сторону калитки, важно, гордо, как будто это ее дом, ее собака во дворе и ее счет за электричество на столе в кухне, как будто замыслила написать петицию в ООН (Уважаемый господин Пан Ги Мун, хочу сообщить вам о фактах беззакония и унижения — ну и так далее); это был уже декабрь, две недели до дня рождения, оставалось пережить его — и все: свобода. Оставалось пережить.

...В декабре, 27-го, ему исполнится 40, и можно будет возвращаться к большой жизни, которой, правда, больше нет, но вдруг. Год назад, 26 декабря, он переехал в Южнорусское Овчарово, забрав с собой кота, ноутбук и какие-то одежды — потом пришлось докупать нужное в местном магазине, в город не поехал, потому что машину загнал в гараж и ни разу за весь год не выгнал ее погастись: заходил иногда, прогрел двигатель, и все. Никто из тех, троих, не уточнил, чего ему опасаться в 39, это он сам решил — и даже не решил, а почувствовал — что смерть будет подкарауливать его в дороге; дорогу он вычеркнул. А вместе с ней и все остальное.

4. Скрип кедр: в ту ночь налетел ураганище, кедр скрипел под ударами ветра, дом вибрировал и стонала крыша — а может быть, и не в дороге дело, думал он, может быть, вот оно, пришло, и некуда мне деться, вот он я — не забирай меня, слышишь?

Не забирай меня, эй, ты, слышишь? — валялся в температуре, — кто будет кормить кота? — Это тоже был декабрь, за девятнадцать дней до дня рождения, накануне прочитал в Интернете, что собака, оставшись в запертом доме с умершим хозяином, начинает жрать его труп через две недели, а кот на второй день; слышишь, скотина, вставай, просыпайся, я покажу тебе, как открывается мешок с твоей сухомыткой, а кран на кухне я заменю завтра же, знаешь какой поставлю? — лапой нажмешь сверху, и все, я потом покажу тебе, не пропадешь, потом тебя спасут, а срать, если я все, можешь где угодно.

...Хотя большей частью совсем о ней не помнил. Даже удивлялся: о чем еще думать в каждый из этих 365 дней, любой из которых мог стать последним? Но вот поди же ты: не думал, и все. Только однажды: когда простудился и схлопотал 39,5 — подумал, что же будет с котом, если вдруг это она и есть. На следующий день встал и, как обещал, сходил в «Антонию», купил другой кран на кухню. Попытался научить кота отжимать лапой рычаг смесителя, но кот повторить маневр отказался. «Ничего, — сказал коту педагогическим голосом, — нужда заставит, нажмешь». Какая нужда? Такая-сякая нужда.

5. Фазаны. Их было десять или больше, они слетелись к зарослям калины в углу сада, он долго смотрел на них в окно, и кот тоже смотрел, и челюсть его дрожала мелко, и издавал он звук, похожий на бляенье овцы, и вождедел фазанов — ты дурак, дурак ты, они ж выше тебя в холке, они тебя порвут и затопчут, ты посмотри, сколько их и какие они здоровенные — фазаны обрывали ягоды, снег вокруг калин весь был покрыт кровавыми брызгами — фазаны выедали из ягод семена, пренебрегая мякотью — кот не слышал его убеждений, кот дрожал челюстью и блеял; это тоже был декабрь, но еще тот, прошлогодний, почти неопасный.

Вместе с дорогой оказались вычеркнутыми: малые намеки на личное, работа, еще раз работа и еще раз работа; а также поездки в бассейн и на баскетбол по пятницам. А больше, кажется, и ничего: ну, просто жизнь, и все.

...В Овчарово переезжал будто спал. Дом купил, как потом довольно быстро понял, втридорога, но тогда ему и в голову не пришло ни поторговаться, ни изучить рынок деревенской недвижимости, схватил первое, где не надо было топить печку углем и таскать воду из колодца, но не потому, что лень было или не умел, а просто из вежливости: хотелось продемонстрировать смерти, что не считает ее душой и готов усложнить задачу (хер тебе, смерть, а не угорание мое от несвоевременно закрытой выюшки; хер тебе, смерть, а не утопление меня в обледенелом колодце). По этой же причине (хер тебе, смерть, а не ломание моей шеи при падении с лестницы) дом выбирал одноэтажный. Это были ритуальные телодвижения, почтительная игра в ладушки — он действительно был уверен, что ни печной угар, ни неловкое падение с верхней ступеньки, ни колодезная вода не грозят ему; только дорога, только путь.

6. Путь от дома до почты. Две параллельные линии, вытатуированные в памяти цветной китайской тушью — синяя линия дороги, сиреневая линия заката. На почту ходил всегда под вечер, чтобы наверняка не стоять в очереди — забирал посылки из интернет-магазинов, избегая ездить в город за нужными вещами. Весной, летом и осенью дорога на почту была другого цвета, и он не обращал на нее внимания.

Он не обратил внимания даже на второе пророчество, не говоря уж о первом. Первое было в первом классе, когда старшая сестра, старая дура-восьмиклассница, не прогнала его, салабона, спать, а разрешила

сидеть вместе с ними, четырнадцатилетними дурами, и пялиться на блюдечко, которому дуры задавали вопросы и сами же себе по слогам отвечали — он и знать не знал, что они читают ответы, а не придумывают их из головы, он удивлялся дурацкой игре, смысла которой не понимал, и когда дошла его очередь, спросил, кривляясь: «когда я умру», и старая дура-сестра ответила «Три, девять, в тридцать девять, долго еще».

Обеспечить коту доступ к воде догадался по-другому: просто стал оставлять дверь в туалет открытой, а с унитаза бачка снял крышку. Бачок всегда полон воды, хоть обпейся. Ходил и напевал два дня подряд: «Эй, чувак, не пей из унитаза, ты умрешь, ведь там одна зараза». Мешок корма, труп хозяина да унитазная вода — продержишься, кот.

7. Труп младенца, закутанный в одеяло. Его везли на санках девочки в ярких комбинезончиках, таких ярких, что в глазах рябило. Четыре тропические птички и труп младенца посреди синей линии дороги (сиреневая линия заката была выше и левее); он встал как вкопанный — девочки, что это?! А они: «нам мама разрешила». И только взглядевшись в стеклянные (силиконовые?) глаза мертвого ребенка, понял, не до конца веря себе: кукла. Их стали делать очень реалистичными, просто невозможно реалистичными, непонятно, как можно с этим играть, это надо скупать и массово хоронить за пределами кладбища, а они играют. Мама им разрешила.

Мама разрешила ему не ехать с ними на дачу — с условием, что непременно приедет через три дня и

привезет ту большую кастрюлю, в которой — «ну, та, зеленая, на балконе стоит, мы в ней капусту еще солили» (кастрюля не влезла в машину; еще бы). Оставила 17 рублей: 15 — царский подарок по случаю поступления в университет, 2 — на сахар, хлеб и электричку. Он купил себе гитару — она стоила 16, пришлось занять рубль из хлебно-сахарных, а оставшийся рубль у него прямо возле магазина выманила цыганка — такой красивый, молодой, дай погадаю на любовь, на жизнь погадаю, на смерть погадаю, — а когда он кинулся спасать исчезнувшую бумажку и вцепился в цыганкин рукав, та ткнула ему в лоб коричневым пальцем и протараторила: «Все вижу, все скажу: путь человека имеет начало и имеет конец, конец пути начало бесконечности, что потеряешь, то обретешь, что обретешь, то оставишь, умрешь в 39 лет». Ну и блюдце, конечно, он тогда сразу вспомнил, но как вспомнил, так и забыл. Было бы о чем думать: 39 лет — нормально, пора; где денег взять на электричку? — поехал зайцем. Бегал от контролеров, как сайгак: раза три билеты проверяли.

8. Лето, море, центральный овчаровский пляж, устал загорать, встал, пошел в воду, окунулся, поплыл с закрытыми глазами — солнце сверкало нестерпимо, и блики от воды усиливали солнечную атаку — плыл, плыл, плыл — пока не ткнулся лицом во что-то нетяжелое, твердо-мягкое; открыл глаза: синий пакет, в нем квадратная вещь. Открыл, заглянул — кусок сала в укропе. Что обретешь, то оставишь; шмат сала килограмма на полтора, оттолкнул его рукой, пакет захлестнуло, и добыча пошла ко дну — так ржал, что едва не

захлебнулся, и только вечером вспомнил, что до сорока лет еще почти полгода и что путь по воде все-таки тоже путь.

Третья встреча произошла через двадцать лет после цыганки, два года назад, в Китае: работал по контракту. У него вообще была хорошая работа, жалко было уходить вот так, как он это сделал — на пике карьеры, с отличным бэкграундом и прекрасными отчетливыми перспективами. Ушел-то, собственно говоря, потому, что сходил к китайской гадалке: случайно получилось, подошел в даосском храме к уборщице, а она и не простая. Нет, она не подбрасывала монетки и не рисовала линии (о И-Цзин, ты никогда не врешь, но в умелых руках всегда подаешь надежду тому, кто в ней нуждается), она смотрела выше глаз в переносицу, трогала голову и говорила стихами — твои числа 3 и 9, они очень влияют на твою жизнь, а больше я тебе ничего не скажу.

И еще целый год после этого он умудрялся не строить планов по спасению.

9. «Никому не говори». Эту фразу, накаляканную на бетонном заборе вдоль синей линии, он увидел в первый же раз, когда выбрался из своего нового жилья прогуляться и купить корма для кота. Шел и думал: «Само собой, не скажу». Приличного корма, кстати, ни в одном деревенском магазине не оказалось, пришлось возвращаться ни с чем и делать заказ в интернет-магазине: слава богу, заказы из зоомагазина привозил курьер, это выходило чуть дороже, но хотя бы не нужно было закладывать время на почто-

вую доставку. И когда шел обратно, увидел, что бетонный забор сплошь исписан всякой фигней, и самыми крупными месседжами были вовсе не «никому не говори», а «на суханку свернешь гондон найдешь» и «максим ты мне не нужен». «Никому не говори» терялось среди букв и примитивных непристойностей; странно, что он вообще увидел эту фразу. И не только увидел, но и уверен был, что она на заборе единственная.

Невозможность рассказать кому-либо о числах «3» и «9» не угнетала его, хотя несколько раз за последний год он как будто предчувствовал возможный соблазн проболтаться; только переехав в деревню, испытал облегчение: чем меньше коммуникаций, тем выше безопасность, как будто предсказание только и ждет, когда он облачит его в слова, тогда оно получит полную власть над ним; а до тех пор, пока он молчит, оно ничего не сможет сделать. Или почти ничего. Он даже коту не рассказывал подробностей, если не считать инструктажа по унитазной воде, сранью и пакету с кормом.

Кот все-таки вырвался наружу. Блеял, блеял, тряс челюстью, а потом взял и выломал оконную сетку, подкараулив оставленное открытым окно — декабрь, а теплынь какая на дворе, надо же: +4 на солнце, с крыш течет, с кедра течет, с калины течет прямо на фазанов. За день до спасительного сорокалетия сложил истекающего кровью кота в машину — кто б сказал, что фазан способен выдрать коту глаза, не поверил бы — и рванул в город.

10. Сверкающий асфальт удивительно похож на море.

В ветклинике коту умыли рожу, зашили порванные веки и сказали: «теперь как Вий». Глаза оказались целыми: видать, зажмурился, когда получал.

Обратно ехал в крайнем правом, со скоростью, при которой впору аварийку включать. Ну и включил, чтобы не фафакали со всех сторон.

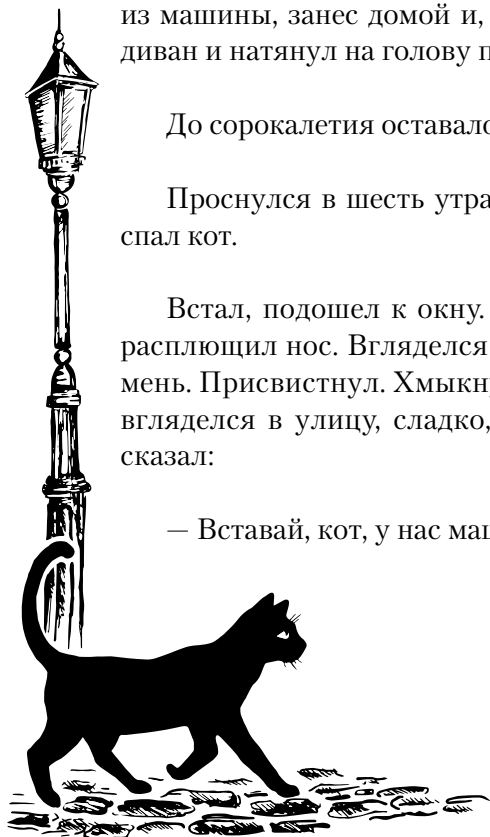
Доехал, припарковался возле забора, вынул кота из машины, занес домой и, как был в куртке, лег на диван и натянул на голову плед.

До сорокалетия оставалось семь часов.

Проснулся в шесть утра. Рядом с ним на диване спал кот.

Встал, подошел к окну. Уперся лбом в стекло и расплющил нос. Вгляделся в утреннюю зимнюю темень. Присвистнул. Хмыкнул. Протер глаза, еще раз вгляделся в улицу, сладко, со вкусом потянулся и сказал:

— Вставай, кот, у нас машину угнали.

НИНА ХЕЙМЕЦ

РТУТЬ

Я не знала, кто нарисовал этих кошек, да это было и неважно. Просто однажды я увидела, что они есть. Я шла в школу, обычной дорогой. Сначала — по тротуару, вдоль шоссе, а потом нужно было перейти на асфальтированную тропинку, ведущую вглубь квартала — мимо гаражей, железнодорожной поликлиники, какого-то завода с кирпичной трубой и мимо дома за высоким забором. Все дома в нашем районе были кирпичными, а этот — деревянным, неизвестно как сохранившимся. Дом был двухэтажным, сколоченным из досок, покрашенных зеленой краской. Краска давно облупилась, пошла трещинами, в которых проступала темная, набухшая от дождей древесина. Иногда мне казалось, что, если дождь продлится дольше — неделю или, может быть, месяц, — это темное и волокнистое выбьется на поверхность, вывернет доски наизнанку, краской внутрь. Калитка в заборе была всегда заперта на замок, но в доме все же кто-то жил — в окнах второго этажа, видимых с улицы, стекла были целыми и чистыми — во всяком случае, они блестели на солнце.